

Т. ЛУКАШКИНА.

Через всю жизнь

КРАСИВА средняя Камчатка. Среди высоких гор, долин с буйной растительностью, бесчисленных озер и рек... Здесь моя Родина, моя Камчатка.

Как сейчас, помню родные картины детства: с одной стороны — три горы, с другой — бесконечная тундра. Между тундрой и сопками извивается мелководная речушка — Сопочная. Весной ее берега покрыты цветущей черемухой.

В лесу — рай земной: душистая жимолость, голубица, шикша, боярышник, княжника, брусника, малина. Под ногами — ковер из тундровых цветов. В реке — чавыча, кижуч, голец, кета, горбуша.

В отличие от северных районов лето у нас, хоть и короткое, но довольно теплое. Помню, загорали мы, ребята, так, что на черном лице блестели лишь белки глаз да зубы.

В селе Сопочное домов 18—20. Не больше. Одни ительмены. Народ дружный, веселый, трудолюбивый. Вместе охотились, вместе ловили рыбу, вместе делили добычу поровну. И в горе, и в радости — все обща. А горя на долю маленького народа выпадало с избытком. Население сплошь неграмотное. Русские попы приобщали ительменов к русскому богу. Была своя церковь и поп Мефодий. Ребятишек всех без исключения крестили, и на шеях у них болтались маленькие крестики.

В короткую летнюю пору трудились не разгибая спины, с зари до зари, все — от мала до велика. Надо было заготовить на зиму ягоду, накопать сараны, разных кореньев, кимчиги, засушить рыбы, юколы. А поздней осенью всей общиной заготавливали впрок гольца, для чего делали большие шайбы (балаганы). Всю зиму люди ели строганину из мороженого гольца. Мы, ребятишки, любили лакомиться фаршированным гольцом с сараной, поджаренным на нерпичьем жиру, а также чуприком (целая рыбка, запеченная в печи).

Летом же запасались черемшой и диким луком. Этим и спасались от цинги.

Отец мой, Петр Васильевич Слободчиков, тоже по национальности был ительменом. Веселым он был, трудолюбивым и отзывчивым. Помню, никогда не сидел без дела. Все что-то мастерил, строгал. Дом построил сам и в доме всю мебель: и деревянные кровати, и столы, и шкафы. В хозяйстве — 12 собак да две коровы (для пятерых детей надо было круглый год иметь молоко).

Папа зимой к тому же охотился, а летом рыбачил. Этим и жили.

Труднее стало, когда в 1930 году умерла мать. Кроме меня, остались сиротами мои братья и сестры — Ульяна, Алеша, Костя, Люда. Заменяла нам

мать слепая бабушка (тетя моего отца) Мария Васильевна Павлуцкая. Ей три года было от роду, когда она ослепла. Скорей всего от трахомы. Ведь в дореволюционном прошлом трахома, туберкулез — неизменные, вечные спутники камчатского народа: коряков, чукчей, ительменов. Так и прожила бабушка 75 лет, не видя белого света. Все делала на ощупь. Научилась отлично ориентироваться и в доме, и во дворе. Нитку в иголку продевала с помощью языка. Трудилась, не переставая, и днем, и ночью. Днем варила обед, доила коров. Коровы до того привыкли к ней, что даже как будто сами старались помочь старушке: отворачивали в сторону рога, чтобы она на них не наткнулась, во время дойки стояли не шелохнувшись.

А по ночам бабушка шила нам торбаса, стирала.

Мы, дети, старались помочь нашей бабушке, заменившей нам мать. Я и Алеша еще с вечера готовили дрова: рубили и носили их домой, складывали у печки. А то возьмем собачек — и в лес. Сколько мучений было нарубить дров, сложить их на нарту и довести домой. Часто, бывало, у нас опрокидывалась нарта. Ревели оба: и я, и Алеша — поднять нарту не можем, а собаки — возьми да и удери в село! И снова мы бредем пешком, ловим собак, складываем тонкие бревнышки...

Наша новая мама (так звали мы бабушку) наказывала нам, девочкам:

— Не ленитесь, не будьте не-ряхами, иначе замуж никто не возьмет.

И мы старались трудиться на совесть: чисто мыли посуду золотой, красиво складывали ее в шкаф. Чтобы мама долго не искала, расставляли посуду в определенном порядке: на верхней полке тарелки, на второй — кружки и блюдца, за брусом втыкали бараньи ложки. Бывало, скрою рубашку или платье, а мама опять за свое:

— Шей хорошо, а то останешься без жениха...

А выйти девушке замуж надо было обязательно, иначе что же еще оставалось на ее долю!

Ительменские парни 3—4 года приглядывались к будущей невесте: все ли она умеет делать в хозяйстве, не ленива ли? Женились ведь один раз и на всю жизнь, до гроба, нельзя было изменить спутнице жизни.

В ту пору в селе у нас была уже начальная школа (с 1924

года). Новый быт, привнесенный веянием Великого Октября, хотя и медленно, но неуклонно накладывал отпечаток и на наши патриархальные устои, которые казались незыблемыми. Среди непрерывных забот и труда мы урывали себе время и для занятий. А перед сном рассказывали бабушке стихи, прочитывали новые рассказы. И бабушка наша не оставалась в долгу. Какие сказки она нам сказывала про старину, древние ительменские обычаи и обряды! Мы слушали ее, затаив дыхание!

И еще, кроме сказок, любили мы, дети, танцы. Особенно я. Соперником по танцам у меня был двоюродный брат Лева Жирков. Мы с ним с детства на вечерах соревновались: кто кого перепляшет. Друзья подбадривали Леву: держись, иначе Татьяна тебя обставит!... И я не раз его обставляла. Уж что-то, а танцевать могла я без усталости! Через эти танцы и выпала мне удача попасть на Большую землю, которую я никогда не видела, которая для меня была одинаково и заманчивой, и в то же время недосягаемой. Вот как это было.

—2—

ЕДУ НА БОЛЬШУЮ ЗЕМЛЮ

Однажды мы, участники художественной самодеятельности, выступали в тигильском клубе. Петр Николаевич Шалин, зав. окроно, он же и преподаватель русского языка и литературы, изображал главного шамана. Ученики в восторге были от его неистовой пляски. Да и не только от его актерских способностей. Мы любили этого учителя за то, что от него первого узнали о Пушкине, Лермонтове, Серафимовиче, Горьком... Но, оказывается, не только мы на блюдали за Петром Николаевичем, а и он приглядывался к нам. Он-то и рекомендовал меня на учебу в Ленинград (это было в 1933 году). Позже мы, его ученики, не раз встречались с Петром Николаевичем Шалиным уже в Ленинграде, когда он и его жена стали преподавателями Герценовского института. И так, впереди Ленинград.

Мама, узнав о предстоящей моей поездке, мечтательно вздохнула:

— Ну, что ж, поезжай. Учительницей будешь.

(Продолжение следует).

Через всю жизнь

(Продолжение. Нач. в № 48).

И вот начались сборы. Мама сшила мне торбаса, платье. А пальто нет. Пришлось мне самой из старого мамино перешивать. До Хайрюзово кое-как добрались на лошади. Затем до Тигиля на катере.

Пароход ждать долго. Это не то, что сейчас. В какой хочешь уголок Камчатки доведут тебя самолеты. Тогда о самолетах и не мечтали. Единственная надежда на пароход, который приходил раз в год.

Я не теряю времени даром. Учусь. Шью людям платья, вяжу кружева для наволочек и простыней. Надо же было хоть как-то зарабатывать себе на жизнь! На дорогу мальчишки сделали мне из струганых досок ящик наподобие чемодана. К нему Таня Шадрина подарила большой дверной замок. А в чемодане — смена белья да тетрадки по русскому языку и арифметике.

...Уехала я в свое далекое путешествие лишь в июне 1934 года. Сколько нового для меня, девочки, не видевшей ничего, кроме тундровых просторов! Ну, во-первых, большой грузовой пароход (даже названия его не помню). Казался он мне большой диковинкой, хотя по сравнению с современными белоснежными морскими лайнерами он ни в какое сравнение не идет! Пассажиры расположились прямо в трюмах, на нарах. Пароход вез про-

дукты во все пункты Камчатки, а потому из Паланы до Владивостока добирались два месяца!

Все-то я удивлялась. Те обыденные вещи и предметы быта, которыми теперь не удивишь даже малого ребенка, поражали мое воображение.

Учитель повел меня умываться — вода из стенки бежит. Для чего? Во время стоянки в бухте Нагаево железная собака, фырча, подошла к самому борту парохода. Учитель говорит: автомобиль. Дома с окнами едут. И опять заучиваю новое слово — поезд. Во Владивостоке — звездочки на берегу сверкают. Да так ярко, что слепят глаза. Объясняют: лампы Ильича горят. И народу столько! Всю Камчатку собрать бы, не наберешь, наверное, столько! И куда это люди все спешат?

Покормить меня учитель повел в ресторан «Золотой рог». Поела я вкусно, почаевала и стала по сторонам оглядываться. Вижу: гладкая белая стена, будто стеклянная. А в стене той девчонка мне рожки строит. Я скривлюсь — и она тоже. Я руку подниму — и она. И платье у нее мое, и чулки, и волосы такие же! А девчонка кривляется, фу, противная! И вдруг задрожала я: уж не дьявол ли это? Учитель, наблюдавший за мной, покатывался со смеху:

— Это же ты и есть. Твое отражение это в зеркале.

А в кино я опять недоумевала: если это такая большая книга с картинками, то почему они живые, почему шевелятся?

Смех, да и только. Было мне уже 14 лет, приключения со мной случались такие, словно с неразумным трехлетним дитем! То заблужусь где-нибудь, то в поезде дальнего следования Владивосток — Москва просижу всю ночь в туалете (дверь-то запереть заперла, а открыть не смогла).

В парикмахерской китаец-парикмахер спрашивает:

— Как вас, мадам, подстричь: под машинку, фоксрот, польку?

Из всех слов разобрала только одно — «машинка».

И вот уже лью слезы: широкая белая дорожка пролегла через всю голову. Пришлось распроститься с косами.

Учитель досадует на меня и хохочет: беда, с тобой, Татьяна, — говорит он мне по-ительменски.

Хоть и с приключениями, а в большой город я уехала! 1 сентября 1934 года пошла сдавать экзамены. Сдала хорошо: на 4 и 5. Ведь всю дорогу готовилась!

Институт народов Севера находился тогда на Сводном канале — 17. Представители 28 северных национальностей получали здесь путевку в жизнь. В трехэтажном здании дружной семьей жили 500 студентов. Все студенты — на полном государственном обеспечении. А хорошисты и отличники сверх того получали по 40—60 рублей стипендии.

Работали разные кружки: спортивные, музыкальные, швейные, столярные. Питание было отменным: все свежее — мясо, молоко, фрукты.

Советское государство все делало для того, чтобы мы вышли грамотными специалистами, чтобы мы были здоровы, энергичны, всесторонне развиты.

Были у нас встречи в институте со знаменитыми людьми. Одна из таких встреч запомнилась мне на всю жизнь.

(Продолжение следует).

Адрес редакции:

пос. Палана, Камчатской обл.

Наши телефоны:

Редактора — 2-41; зам редактора — 2-59; ОТДЕЛЫ: промышленности и сельского хозяйства — 3 67; писем трудящихся — 2-57; типографии — 3-32.

Газета отпечатана в окружной типографии Камчатского управления

Заказ № 49.

Через всю жизнь

[Продолжение.
Начало в №№ 48, 49].

СВЯТО ХРАНЮ

Этот снимок очень дорог мне. Когда я вглядываюсь в него, я вспоминаю доброе, чуть усталое лицо Надежды Константиновны. Мягкий голос. Ее слова...

Однажды меня вызвали к директору института. Там был заведующий нашего отделения Н. А. Копылов. Они спросили меня, хочу ли я поехать в Москву на встречу с Надеждой Константиновной Крупской. От радости даже ничего не ответила, только кивнула головой. Тогда они сообщили решение педагогического совета: в составе делегации женщин-стахановок я еду в Москву на прием к заместителю наркома просвещения РСФСР Н. К. Крупской.

У нас многие студенты за хорошую учебу получали бесплатные путевки в Дома отдыха в самые красивые уголки страны — Крым, Кавказ, Подмосковье. Но эта поездка была особенной.

Начались сборы. Я приготовила свой национальный ительменский костюм. Взяла альбом и цветные карандаши. Вечером меня вместе со стахановками ленинградских фабрик, заводов и учреждений посадили на поезд «Ленинград — Москва». Нас было 60.

Всю ночь я рисовала: торбаса, чижи, малахаи, рукавицы, кукули, кухлянки. Цветными карандашами. Мне хотелось, чтобы Надежда Константиновна увидела, хотя бы в рисунках, что умеют мастерить камчатские рукодельницы.

И вот Дом Совнаркома. Поднялись на второй этаж. Здесь в зале были расставлены столы. Как только вошла Надежда Константиновна, все встали, поздоровались и поставили около нее цветы. Она поблагодарила.

Я сидела в самом конце стола. Крупская заметила меня, пригласила сесть рядом. Так мы и сидели до конца приема и беседовали. Надежда Константиновна спросила мое имя и национальность. Узнав, что я с Камчатки, стала расспрашивать, чем занимаются женщины в нашем краю. Внимательно смотрела рисунки. Спросила, много ли у нас школ. Я сказала, что только пять. Что взрослые у нас многие неграмотные, да и дети еще не все учатся. Родители не отпускают, не понимают, что ученье — это свет в нашей тундре.

По-русски я тогда говорила плоховато. Надежда Константиновна подсказывала мне нужные слова. Она обняла меня за плечи. Мою руку держала в своей. Руки у нее были теплые, ласковые, материнские.

Надежда Константиновна спросила, как я доехала до Ленинграда, и от души смеялась над моими приключениями. Потом она сказала мне: «Учись, Танюша, хорошо. Старайся узнать как можно больше. Такие люди, как ты, очень нужны на Крайнем Севере. Ты поведешь туда не только знания, но и культуру, новую жизнь».

Затем Надежда Константиновна рассказала нам о своей жизни до революции, в ссылке, в период гражданской войны. Рассказала о жизни Владимира Ильича Ленина, о его болезни. Посоветовала нам побывать в Мавзолее, в музее Ленина, в Смольном, в Ленинграде, в Разливе, где Ленин жил в шалаше, скрываясь от царских жандармов.

Мы с волнением слушали слова Крупской. У нее было

очень мягкое лицо. Глаза усталые, но внимательные и умные. Белая кофточка. На темном пиджаке блестел орден Ленина. Такой она мне и запомнилась на всю жизнь.

Когда закончилась наша беседа, мы решили сфотографироваться все вместе. Надежда Константиновна посадила меня рядом с собой. Этот пожелтевший от времени снимок я свято храню.

Вечером мы были на торжественном собрании в Колонном зале Дома Союзов, посвященном Международному женскому дню. Со всех республик нашей необъятной Родины собрались сюда женщины в национальных костюмах. С Камчатки я была одна. Объявили начало торжественной части, и меня избрали в президиум. И вдруг председатель собрания объявляет: «Среди нас находится представительница далекой Камчатки, ительменка Таня Слободчикова, студентка института народов Севера. Она нам расскажет, как попала в Ленинград».

Весь зал от души смеялся над моим путешествием. После торжественной части для нас, делегатов разных народов, был дан большой концерт.

В остальные дни пребывания в Москве мы посетили Мавзолей, музей В. И. Ленина, ходили в театры, в цирк, катались по Москве-реке.

Приехала в Ленинград и сразу написала в институтскую газету заметку «Самый счастливый день в моей жизни». А потом пришла газета «Комсомольская правда» (8 марта 1937 г.). Там были напечатаны статья «Девушка с Камчатки» и мой портрет.

МОЯ РАБОТА

Незаметно пролетели четыре года. И вот настал такой день, когда мы — дети разных национальностей — нанайцы, ительмены, нивхи, одулы, ненцы, остяки, лопари — получили путевки в жизнь. На свою родину мы уже возвращались грамотными специалистами, имеющими не только профессиональные навыки, но и навыки общественной работы. Я, например, до сих пор не представляю, как это можно жить, не выполняя никаких общественных поручений. И потом, когда уже у меня было пятеро детей (три сына и две дочери), я все равно успевала всюду — и в школе, и дома, и на самодеятельной сцене. Но об этом после...

А пока банкет в честь окончания вуза, напутственные речи наших наставников — Орбели, Афанасьева, Князева, Богданова, Стебницкого, Муратова... И в путь, домой, на родину!

По путевке комсомола в 1938 году мне предложили ехать заведующей школой на корякскую культбазу в Апуку, в Олюторский район.

Никогда не смогут быть забыты первые трудности. По национальности ительменка, я попала, к корякам, чукчам, эвенам. После первого урока плакала: они меня не понимают, я — их. Не могу даже добиться, чтобы дети назвали мне свое имя. На все вопросы ответ один: «Ку-ю...» (Не знаю...).

Пришлось мне основательно засесть за изучение корякского языка. Все вечера просиживала в интернате, слушала и записывала корякские слова, изучала строй предложения. И как порадовалась я, когда поняла, что могу разговаривать со своими питомцами.

[Продолжение следует].

Через всю жизнь

[Продолжение.

Начало в №№ 48—50).

Ребятишки говорили со мной обо всем: о своих родителях, обычаях, праздниках, пели мне свои песни, показывали танцы.

Я же их старалась научить танцевать узбекские, корякские, чукотские, ительменские, эскимосские танцы. Костюмы мастерил сама. Очень мне помогал начальник культбазы Петр Иванович Скворцов. Он, русский товарищ, был лучшим другом представителей местной коренной национальности. Отлично говорил по-корякски, чукотски, эвенски. Так вот, Петр Иванович всегда шел нам навстречу, выделяя средства для приобретения костюмов.

Вскоре мы поставили первые концерты на культбазе, на рыбокомбинате.

В год начала войны меня с мужем перевели в районный центр Тилички. Вся Камчатка помогала фронту. В школе остались одни женщины. Вся тяжесть повседневных будничных хлопот легла на наши плечи. Сами ремонтировали школу, красили мебель, ходили на воскресники, собирали и шили теплую одежду для воинов, сдавали облигации в фонд обороны. В то время я уже была депутатом Корякского окрсовета и с головой ушла в общественную деятельность. Но о танцах не забывала. По-прежнему учила местных детей пластике и ритмичности движений, рисовала эскизы костюмов. Помню, девочка Броня отлично танцевала узбекский танец. Я ей сшила костюм, тюбетейку. А вот кос у Брони не было. Что делать? Не долго думая, отрезала свои... Ох, и попало же мне тогда от мужа!

С детьми местной коренной национальности я связала всю свою жизнь. Учитель, воспитатель тогда должен был быть не только специалистом своего дела, а и мастером на все руки. Он должен был не чураться никакой работы. Это в теперешних светлых, просторных школах и детсадах, великолепно оборудованных, учителя и воспитатели получили, наконец, возможность отдавать все время своим непосредственным обязанностям. Тогда же мы делали все. Когда образовался в Палане колхозный детсад (1943 г.), я сама шила детское белье, сама стригла детвору, купала, приучала их носить нательное белье. Ведь все корякские детишки одеты были, как правило, в шкуры.

И по-прежнему общественная работа: ликбез среди колхозников, агитатор, секретарь партийной организации в Паланской средней школе, фотокружок, самодеятельность. К тому же сессии исполкомов, партийные конференции.

Палана была маленькой, народу было мало, но жили мы

все односельчане дружно и весело. С участниками фотокружка каждое воскресенье отправлялись в дальние лыжные прогулки. Однажды вверх по реке Палана обнаружили каменный уголь, вполне пригодный для местных разработок. Добираясь до стойбища пастухов-оленьеводов, рассказывали им о событиях в стране и за рубежом, ставили маленькие концерты. Чудесный это был отдых! И в то же время приятное сочеталось с полезным.

Памятны мне и 60-е годы. Была балетмейстером первого Корякского ансамбля. А в 1963 году в Хабаровске состоялась первая конференция по искусству народов Севера. Я делала доклад об истории создания корякских танцев, сценических костюмов. Доклад иллюстрировался фрагментами разных танцев, отражающих труд и быт северных народов.

В скором времени окружной комитет партии поручил мне подготовить ансамбль на районный смотр, который должен был состояться в Тигиле. Задача не из легких. Ранее созданные танцы, над которыми работала руководительница национальной самодеятельности института народов Севера Т. Ф. Петрова-Бытова, моя учительница и наставница, надо было восстановить с новым составом участников. Подбираю себе самых способных, самых талантливых — Раю Северину, Шуру Уркачан, Нэдю Солодякову. И все-таки девчат не хватало. Пошла на хитрость. Витю Мохнаткина передела девочкой. Он спас нам «Норгали».

Репетирую под «тра-ля-ля». Баянист Борис Заев слег в больницу. В моей комнате — швейная мастерская.

И все-таки наш концерт прошел с успехом!

Потом к нашему ансамблю в Петропавловске подключили участников художественной самодеятельности из других районов Камчатской области — Олюторского, Карагинского, Быстринского, Тигильского. В таком составе мы должны были поехать на зональный смотр в Хабаровск.

Очень помогла в нашей работе Татьяна Федоровна Петрова-Бытова. Она специально приехала из Ленинграда, чтобы оказать помощь своим давним друзьям — корякским певцам и танцорам. Советы ее во время репетиций, ее большой труд не пропали даром. Хабаровчан покорило искусство возрожденного Севера. А в скором времени — и москвичей.

Наш ансамбль получил звание лауреата Всероссийского смотра. А мне профессор Московской консерватории Соколов вручил диплом балетмейстера Корякского ансамбля.

[Продолжение следует].

ИЗ НОМЕРА В НОМЕР

ЛЖ

Т. ЛУКАШКИНА.

Через всю жизнь

Окончание.
Начало в №№ 48—51).

И вот Москва... Букеты мимоз, которые мы, северяне, видели впервые. Наши с Камчатки шлют письма, телеграммы: «Не подкачайте, — говорят нам».

И мы не подкачали. В течение всего нашего концерта во Дворце съездов не смолкали аплодисменты нашим танцам. О нас писали газеты и журналы, нас снимали в кино. За выставку сценических костюмов в Москве я получила диплом первой степени. А позже в 1965 году мне присвоили звание заслуженного работника культуры РСФСР.

Сколько талантов в нашем северном народе! И как расцветают они благодаря заботам Советской власти о жителях местной коренной национальности! Я думаю о наших талантливых людях и не устаю удивляться их мастерству.

В Карагинском районе живет и трудится председатель сельсовета Анастасия Васильевна Гуторова. Она автор новых танцев «украденный цветок», «в колхозной мастерской». Даниил Яганов танцует «молодость». Ослепительная улыбка, молодость, задор...

В Хаилино живет талантливая семья: медсестра Людмила Вагальнаут и ее муж Андрей Лелькив — баянист, бубнист, танцор. Не уступает ему в мастерстве исполнения и Люда. Она неприменная участница всех национальных смотров художественной самодеятельности. Да и вообще в Хаилино много мастеров самодеятельной сцены. Это чудо, на-

пример, хаилинские «Чайки». Слушая имитацию крика хаилинских «Чаек», воображение сразу же переносит тебя на морской берег. Или танец с бубнами. Настоящая наша камчатская тундра с оленями, собаками, шумом морей, рек и ветров!

...В искусстве жители Камчатки стремятся отобразить все то новое, что привносится нашей советской действительностью. А она прекрасна.

Сейчас я работаю воспитателем в Корфском детском садике. Но по-прежнему увлечена общественной работой (хотя и лет уже немало, свои дети взрослые). Недавно побывала в национальных селах Вывенке, Хаилино (Олюторский РК КПСС, отдел культуры попросили меня подготовить олюторцев на областной смотр). И вот, бывая в разных селах, не перестаю удивляться: как же неузнаваемо выросли наши села и поселки, как неузнаваемо изменился народ! Новые школы, жилые дома, кинотеатры, детские сады и ясли. И все для тружеников местной коренной национальности, их детей.

У коряков появился свой национальный балет «Мэнго». Руководитель Александр Гиль при создании балета руководствовался разработками моих докладов о корякских танцах. «Мэнго» с успехом гастролировало в Москве, Якутии, в Магаданской области...

Отовсюду теплые слова приветия корякским мастерам самодеятельной сцены, пожелания успехов в труде. И я, ительменка, воспитанная нашим советским строем, радуюсь искусству возрожденного народа.